лексикализации. Приходится учитывать явления аналогии, когда сложное слово может появиться в результате подражания существующим словообразовательным моделям. Например, если слово *sârñize* «штык» восходит к изафетному словосочетанию (ср. среднеперсидское *sâr-i nêzak*), то это еще не значит, что другое, аналогичное сложное слово появилось также в результате лексикализации изафетного словосочетания; ср. появившееся сравнительно недавно слово *sârpasban* «старший полицейский», которое не восходит к изафетной конструкции. Необходимо считаться и с тем, что в персидском языке существует немало как простых и сложных фразеологических единиц, между элементами которых читается изафет, так и отдельных промежуточных между словосочетанием и сложным словом явлений, в которых изафет присутствует обязательно, а иногда — факультативно.

Таким образом, общая проблема *fâkk-e ezafe* является весьма сложной, включающей в себя ряд частных проблем, которые М. Моин обходит молчанием.

В четвертой главе третьего выпуска под названием «*Fayede-ye ezafe*» («Польза изафета») М. Моин дает выводы о «пользе» (*fayede*) и «назначении» (*qâgâz*) изафета. По мнению автора, «польза» и «назначение» изафета заключается в том, что при помощи изафетной конструкции можно обозначить как определенный предмет или лицо (автор называет это «назначение» изафета *tâ'rif*), так и предмет вообще (последнее «назначение» именуется *tâxisis*). Эти выводы явно не соответствуют огромному материалу по изафетным словосочетаниям, собранному и тщательно обработанному автором.

Наши замечания по трем рецензируемым выпускам «Проекта грамматики персидского языка» проф. М. Моина касаются главным образом теоретической и методологической стороны выпусков. В остальном недочеты этих трех выпусков несущественны. Они несколько не умаляют ценности тщательно собранного богатого фактического материала, за который признаны должны быть благодарны М. Моину.

Л. С. Пейсиков

Pierre Guiraud. La sémantique.— Paris, Presses Universitaires de France, 1955. 118 стр.

Во многих появившихся за последние годы работах советских и зарубежных лингвистов указывалось на необходимость более ясного понимания основных вопросов, связанных с изучением словарного состава языка. К таким вопросам, в частности, относятся: уточнение предмета изучения и задач семантики, разработка принципов семасиологического исследования, уяснение соотношения семантики и лексикологии, семантики и этимологии, семантики и других смежных наук¹.

В этом плане новая книга французского ученого П. Гиро, посвященная теоретическим проблемам семантики, представляет несомненный интерес для советского читателя. Нясность, существующая в отношении предмета семантики и даже самого термина «семантика», объясняется, по мнению автора, неразграничением круга взаимосвязанных и соприкасающихся, но разных теоретических проблем, охватывающих различные аспекты сложного семантического процесса. Последний включает в себя возникновение «мысленного образа» вещи в уме говорящего (*l'image mentale*), образование звуков и расположение их в определенном порядке, возникновение соответствующего образа вещи в уме собеседника и т. д. Таким образом, процесс общения охватывает круг проблем, входящих в область логики, психологии, физиологии, акустики и лингвистики.

Эти проблемы распадаются, по П. Гиро, на три большие группы: а) психологические — особенности процесса общения и сущность знака; б) логические — отношение знака к реальной действительности и в) лингвистические — проблема слова как предмета изучения, отношения между формой и смыслом слова, отношения между словами и т. д.

Следует различать три семантические науки: семантику общую, или, как ее называет автор, психо-социологию знака, семантику философскую и семантику как таковую, т. е. семантику лингвистическую, которой и посвящена данная работа.

П. Гиро различает смысл (*sens*) и значение (*signification*) слова. Значение, по мнению П. Гиро, — психологический процесс, а смысл — статическая величина, результат этого процесса. По существу, предметом лингвистической семантики является изучение смысла, а не значения слова, но между смыслом и значением имеется тесная связь.

В соответствии с этим лингвистическая семантика выдвигает две основные проблемы:

¹ См., например, О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, В. В. Иванов, О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии, ВЯ, 1956, № 3 (особенно стр. 4—11).

1. Проблему смысла слова. В нее входят следующие вопросы: почему данное слово имеет то или иное значение? имеет ли это слово другой смысл? как, почему и когда слово приобрело данный смысл? каково отношение этого слова к другим словам языка?

2. Проблему значения слова: в чем сущность слова и какова его функция? условия, обеспечивающие выполнение этой функции слова.

В первых двух главах П. Гиро излагает свою концепцию значения слова. Третья глава посвящена вопросам изменения смысла слова и возможных форм этих изменений. Здесь автор приводит и сопоставляет классификацию смысловых изменений, даваемую Стерном и Ульманом. В четвертой главе исследуются причины изменения смысла, которые Гиро подразделяет на четыре основные группы: а) исторические, б) лингвистические, в) социальные и г) психологические. Пятая глава — краткий обзор различных направлений в области семантики, связанных с философией (семантические поля Трика и его последователей), социологией и историей (лексикология Маторэ), с психологией (Шпербер) и т. д. В шестой главе дается характеристика трех семантических наук, выделяемых автором в вводной части работы и в «Заключении». Гиро излагает свое понимание соотношения лингвистики и лексикологии, лексикологии и семантики, семантики и этимологии, стилистики, а также места семантики в кругу смежных наук.

В своей книге П. Гиро исходит из понимания языка как системы, элементы которой определяются одновременно формой и функцией, взаимно обуславливающими друг друга. Морфо-функциональная субстанция языка, по Гиро, распадается на три группы: 1) звуки или фонемы, не являющиеся лингвистическими знаками, а лишь элементами более сложных лингвистических знаков; 2) слова или лексикологические знаки, образованные сочетанием фонем; 3) синтаксические конструкции, образованные сочетанием слов. Для каждой из этих групп характерна своя функция; при этом семантическая функция присуща лишь словам.

Наука о языке состоит, по Гиро, из трех больших разделов: 1) изучение звуков, или фонология, 2) изучение слов, или лексикология (включающая семантику), 3) изучение конструкций (аналитических или синтетических), или синтаксис.

Объектом семантики, по мнению П. Гиро, является изучение лишь ассоциативных значений, т. е. значений слов; если же расширить понимание объекта семантики и включить все значения, то семантика поглотит синтаксис. Место семантики и ее задачи показаны автором на следующей схеме.

	<i>forme</i>	<i>fonction</i>
<i>sous</i>		
<i>mots</i>		<i>sémantique</i>
<i>constructions</i>		

Традиционная морфология (формы словоизменения), по Гиро, относится к синтаксису, так как между корнем и флексией в таких формах, как, например, *je chanterai* или *liber Petri*, существует относительная связь (*rapport relationnel*). Такая же связь существует и в аналитических формах, например *I shall sing* или *livre de Pierre*.

Лексикология, говорит Гиро, включает три дисциплины: 1) морфо-лексикологию — изучение формы слов независимо от функции; 2) семантику — изучение смысловой стороны слов и формы слова как носителей смысла; 3) лексико-стилистику — изучение экспрессивных и социо-контекстуальных элементов слова.

Общая (лингвистическая) семантика изучает «законы» значения, формы и причины изменения значения. Это теоретическая панхроническая наука, относящаяся к семиотике. Прикладная (французская, английская и т. д.) семантика изучает эти проблемы в данном языке. Прикладная семантика может быть аналитической или структуральной; и та и другая может быть статической (синхронической) или исторической (диахронической).

Если под этимологией понимать наблюдение над всеми изменениями слова, объясняющими его данное состояние, и описание этих изменений, то это и есть диахроническая или историческая семантика. Семасиология (изучение слов, исходя из значимой формы) и ономастиология (изучение слов, исходя из обозначаемой вещи) являются скорее двумя аспектами, а не двумя самостоятельными частями семантики. Стилистику трудно отграничить от семантики. Это две дополняющие друг друга и тесно связанные науки, отражающие взаимосвязь познавательной или семантической и экспрессивной функции языка.

Семантика связана с рядом других наук; достижения в области логики, экспериментальной психологии и семиологии, медицины, педагогики, теории информации и т. д. дают возможность расширить поле семантических наблюдений и выработать новые методы исследования. Семантика, однако, не может и не должна растворяться в этих науках и терять свою самостоятельность.

Р. С. Гинзбург

Kazimierz Nitsch. Wybór pism^o polonistycznych. — Wrocław — Kraków, Wyd.^o Zakł. im. Ossolińskich. (T-wo miłośników języka polskiego): t. I — 1954. 284 стр., 1 л. портр.; t. II. Studia wyrazowe — 1955. 348 стр., 33 карты; t. III. Pisma pomocznawcze — 1954. 438 стр. с 5 картами.

К 80-летию со дня рождения действительного члена Польской Академии наук и члена-корреспондента Академии наук СССР Казимежа Нитша Общество любителей польского языка выпустило его «Избранные сочинения по полонистике». Уже появившиеся первые три тома посвящены разным областям польского языкознания, в которых работал этот крупнейший ученый.

Первый том, включающий работы различного содержания, разделен на пять основных разделов: «Язык писателей», «Версификация», «Педагогика и орфография», «Описательная грамматика» и «История языка». Наибольший интерес представляет включенная в последний раздел статья «О соотношении народных говоров и литературного языка», написанная на тему, в различных вариациях отраженную во всех работах К. Нитша. Автор ставит два основных вопроса: 1) на какой основе сформировался современный польский литературный язык и 2) каким образом раз возникший литературный язык влияет на народные говоры. Нитш считает, что в XV—XVI вв., в эпоху расцвета польской литературы в Кракове, язык ее естественно обогащался за счет малопольских говоров. Он предполагает далее, что польский литературный язык формировался не только на основе малопольских и великопольских, но и мазовецких и даже, в какой-то мере, русских говоров.

Во второй том вошли исследования по лексике польских диалектов, объединенные общим заглавием «Из истории и географии польских слов». Автор дает общую характеристику польских диалектов и приводит ряд примеров распространения отдельных слов (названия животных, построек, инвентаря, сельскохозяйственных культур) в польских и мазовецких говорах.

В следующем отделе «Регионализмы (местные особенности) литературного языка» К. Нитш исследует лексические расхождения и варианты в литературном языке, обусловленные влиянием местного диалекта. Последняя часть второго тома содержит работы по топонимике и ономастике.

Третий том целиком посвящен исследованию современных говоров Поморья. В него входят монография о пограничных польских и кашубских говорах и ряд статей о взаимоотношениях языков и говоров ляхетской группы западнославянских языков.

Изданию предпосылается полная библиография трудов К. Нитша с 1895 по 1953 г.

Н. Г. Левитская

A. Dostál. Vývoj duálu v slovanských jazycích, zvláště v poltině. («Sborník filologický», II, 1. Sekce jazyka a literatury Československ. Akad. věd.) — Praha, Naklad-ví Československ. Akad. věd, 1954. 96 стр.

На основе детального исследования двойственного числа в польских памятниках XIV, XV и XVI вв. и учета всего того, что сделано в этом отношении на материале славянских и других индоевропейских языков, А. Достал выдвигает несколько гипотез, связанных с историей двойственного числа в славянских языках.

Помнению автора, неполнота парадигмы двойственного числа, свойственная индоевропейским языкам, в том числе и тем славянским, для которых категория двойственного числа остается живой и в настоящее время (словенский, сербо-лужицкий), опровергает предположение, согласно которому формы двойственного числа занимали когда-то равноправное положение с формами других чисел.

А. Достал отвергает гипотезу Гумбольдта о том, что двойственное число древнее множественного и что развитие числа шло в языках от первоначального конкретного обозначения предметов в количестве одного, двух, трех и т. д. (ср. тройственное число в некоторых примитивных языках) к более абстрактному противопоставлению единичности множественности. Такое представление слишком упрощает картину языкового развития и не дает возможности учитывать первоначальное значение категории двойственного числа. Вскрыть это значение нельзя на материале сербо-лужицкого или

словенского языков, так как двойственное число в этих языках характеризуется рядом специфических черт, не свойственных древнейшему периоду.

Особенности двойственного числа в старославянском языке также не могут уподобляться на праязыковое состояние. Сам по себе характер двойственного числа старославянского языка противоречив: с одной стороны, можно наблюдать неполноту парадигмы форм двойственного числа, а с другой, двойственное число в старославянском языке отличается от подобного явления в прочих славянских языках наибольшей логической последовательностью в утрате форм. Автор предполагает вторичную активизацию форм двойственного числа в старославянском языке.

Развитие двойственного числа в польском языке не отличается существенно от общей линии развития этого числа в большинстве славянских языков. Именно поэтому он был выбран основным объектом исследования. Выбор польского языка был определен также тем обстоятельством, что в нем формы двойственного числа сыграли большую роль в образовании особого склонения числительных.

Сравнение языкового материала старопольских памятников XIV—XVI вв. (Флорьянская и Пулавская псалтыри, библия королевы Софьи, а также юридические акты и проза Рея, отражающие в большей степени разговорный язык) с древнецешскими, древнесловенскими, нижнелужицкими и старославянскими текстами убеждает, что уже с первых польских памятников двойственное число не было в языке живой категорией. Оставались лишь морфологические средства выражения этой категории, в использовании которых заметны как старые, так и новые особенности.

Положение о том, что категория числа основывается на противопоставлении единичности множественности, иллюстрируется автором многочисленными примерами чередования форм двойственного и множественного числа в тех случаях, когда следовало бы ожидать исключительно формы двойственного числа. Кроме того, Достал указывает на тот факт, что согласуемые с именем существительным в двойственном числе другие части речи обычно принимают форму множественного числа. Формы двойственного числа характерны для очень немногочисленной группы существительных, среди которых почти все употребляются для обозначения парных частей человеческого тела (*oko, ręka, ucho*). Так как эта особенность свойственна многим славянским языкам, можно предположить, что двойственное число было первоначально основано на понятии парности и уже потом могло распространиться на все случаи, когда речь идет о двух предметах, как мы это наблюдаем в старославянском, словенском и сербо-лужицком языках. Поэтому двойственное число никогда не могло быть так развито, как единственное или множественное.

Даже ограниченная этими рамками, категория двойственного числа была утрачена в доисторическую эпоху, когда число как категория, основанная на парности, было заменено числом, основанным на множественности. Однако морфологические средства выражения двойственного числа держались в языке еще целые столетия и использовались для образования форм множественного числа.

Проблема исчезновения двойственного числа представляется автору, таким образом, исключительно языковой проблемой; мнение же многих ученых (А. Кюни, А. Мейе, Г. Хирта, А. Леви-Брюля и др.) о том, что утрата двойственного числа связана с прогрессом культуры, не подтверждается данными истории многих индоевропейских языков. Старославянский, словенский и сербо-лужицкий языки, например, являющиеся языками славянских народов, очень рано соприкасавшихся с передовыми культурами. Усиление категории двойственного числа в старославянском языке может быть связано с деятельностью нормализаторов, стремившихся приспособить народный язык к более четкой передаче мыслей, необходимой для языка письменного. Подобные же явления в словенском и сербо-лужицком языках объясняются защитной реакцией, направленной против иноязычного засилья и вызвавшей ложную архаизацию. Обилие форм двойственного числа в старославянском языке, возможно, воспринималось как исконно славянское явление.

М. А. Михайлов

Zs. Telegdi. Beiträge zur historischen Grammatik des Neupersischen. Über die Partikelkomposition im Neupersischen. — «Acta linguistica Academiae scientiarum Hungaricae», t. V, fasc. 1—2. Budapest, 1955, стр. 67—183. (Резюме на русск. яз.)

Настоящая работа известного венгерского ираниста Ж. Телегди посвящена исследованию персидских приставочных глаголов. В первой части дается краткая характеристика общих процессов, происходивших в глагольной лексике новоперсидского языка. Среди значительных изменений здесь в первую очередь указывается на непрерывно прогрессирующий процесс образования составных глаголов типа *negahkârdân, vared šodin* (эти глаголы автор именует «синтагматическими»). Ж. Телегди обращает внимание читателя не только на процессы развивающиеся, но и на процессы, лишившие своего прошлого значения. Среди последних особое внимание автора привлекает

история приставочного глагольного словообразования. Автор ставит своей целью выявить характер этого типа словообразования, обнаружить его основные особенности и границы применения в современном персидском языке. Выделяя среди приставочных персидских глаголов две группы в зависимости от того, выступает ли в качестве преверба собственно приставка или знаменательное слово (наречие), Ж. Телегди тщательно анализирует обе эти группы глаголов.

Исследование начинается с анализа глаголов, содержащих в своем составе наречия *birun, piš, pās, bala, pain*. Число глаголов, сочетающихся с этими наречиями, сравнительно невелико в персидском языке. С точки зрения семантической эти глаголы движения. Наречия присоединяются к глаголам движения в качестве определений, придающих глаголу значение направленности действия.

Круг глаголов, содержащих в своем составе собственно префиксы *bār, dār, foru, fāra, va*, напротив, очень широк. В эту группу входят самые разнообразие по семантике глаголы, а не только глаголы движения, хотя первоначально префиксы *bār, dār, foru, fāra, va* были также преимущественно выразителями направления.

Исследован большое количество глаголов, содержащих в своем составе собственно приставки, автор подразделяет их на следующие две группы: глаголы, в которых из целого сочетания нельзя выделить значение преверба, и глаголы, общее значение которых совершенно не вытекает из значения их составных частей.

К первому типу относятся такие глаголы, как *bār gozidān* «выбирать», *dar gozāš-tān* «проходить, проезжать», *bār ašoftān* «рассердиться» и др. Значение этих приставочных глаголов равно значению соответствующих простых глаголов. Другую группу составляют такие глаголы, как *bār dāmidān* «гневаться», *vār rājtān* «заниматься пустяками», *dār gereftān* «вспыхивать» и др. Первоначальное значение этих глаголов было вытеснено другим, развившимся из первоначального, но ставшего самостоятельным по отношению к нему.

Ж. Телегди чрезвычайно тщательно анализирует каждый приставочный глагол. Для отдельных случаев приводится много примеров и из современного персидского языка, и из языка классических авторов. Автор широко пользуется также ссылками на различные словари, приводя при этом разнообразный фразеологический материал. В результате исследования автор приходит к выводу, что приставочные глаголы в ходе исторического развития превратились в семантически нерасчленимые слова. Таким образом, приставки *bār, dār, foru, fāra, va* в современном персидском языке, по мнению Ж. Телегди, не могут быть отнесены к живым продуктивным словообразовательным средствам.

Во второй части работы Ж. Телегди на материале произведений классической литературы прослеживается процесс утраты превербами их словообразовательной роли, намечаются основные этапы истории персидских превербов и выясняется место рассматриваемого явления в системе языка.

Автор показывает на большом материале, что в произведениях классической персидской литературы употребление превербов не связано с изменением семантики глаголов, с которыми они сочетались. Семантическую неразложимость Ж. Телегди считает характерной уже для среднеперсидских приставочных глаголов, в период же классический происходит потеря приставками продуктивности и процесс массового исчезновения приставочных глаголов. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что обеднение средств глагольного словообразования сопровождается в персидском языке развитием средств словообразования отменного.

Основной тезис автора о непродуктивности приставок *bār, dār, foru, fāra, va* и об утрате ими словообразовательной роли отличается от их трактовки, содержащейся в «Кратком очерке грамматики персидского языка» В. С. Растргуевой¹ и в других новейших грамматиках современного персидского языка, рассматривающих приставочные глаголы в системе словообразования, на что указывает в своей работе и сам Ж. Телегди.

Решение этого вопроса, предложенное Ж. Телегди, представляется несколько категоричным. Автор прав, говоря о процессе утраты глагольными приставками их словообразовательной роли. Сам этот процесс показан Ж. Телегди убедительно во всех подробностях. Но считать его законченным в современном языке, на наш взгляд, нельзя. Некоторые превербы и поныне сохраняют свое значение в составе почти всех глаголов, с которыми они сочетаются (например, *foru*), другие утратили его в сочетании с рядом глаголов, но сохранили при отдельных глаголах.

Тем не менее заслуга Ж. Телегди, исследовавшего один из вопросов исторической грамматики персидского языка, несомненно, велика. Вся работа в целом является тщательно выполненным интересным исследованием, дающим иранистам много новых фактов о персидских превербах и раскрывающим во всей сложности пути их развития.

¹ См. в кн.: Б. В. Миллер, Персидско-русский словарь, 2-е изд., М., 1953.